

УДК 811.161.1'37+811.161.1'27
DOI 10.52452/19931778_2022_1_149

ПРАГМАТИКА ПРОЦЕССОВ НЕОДЕРИВАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

© 2022 г.

Т.Б. Радбиль,¹ Л.В. Рацибурская,¹ Л. Ясаи,² И.В. Палоши²

¹ Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

² Университет им. Лоранда Этвеша, Будапешт, Венгрия

timur@radbil.ru

Поступила в редакцию 18.01.2022

Рассматривается лингвопрагматический потенциал деривационных новообразований в современной русской речи как отражение активных процессов в русском языке новейшего периода. Материалом исследования являются рефлексы русского неологического узуального и незуального словообразования, воплощенные в дискурсе современных российских СМИ и в среде неформальной интернет-коммуникации в социальных сетях и других источниках Рунета. Проанализированы особенности образования и функционирования неодериватов через призму реализации специфических коммуникативных намерений участников речевого общения, их коммуникативных потребностей, мотивационно-прагматических установок и используемых речевых стратегий и тактик. Делается вывод о том, что новые явления в современном русском неологическом словообразовании обнаруживают значительный лингвокреативный потенциал русского языка, обладают повышенной экспрессивностью и часто отражают ориентацию авторов на развлекательность, на языковую игру.

Ключевые слова: неодеривация, лингвистическая прагматика, словообразовательные неологизмы, активные процессы, современная русская речь.

В статье представлены очередные результаты российско-венгерского исследовательского проекта по изучению активных процессов в современном русском языке [1]. На данном этапе выявлялась лингвопрагматическая и коммуникативно-дискурсивная специфика реализации новых явлений на разных уровнях системы языка и ее речевой реализации [2].

В настоящем исследовании мы ограничились лишь одним уровнем – словообразовательным, потому что, согласно нашим наблюдениям, именно процессы в области неодеривации характеризуются значительными прагмалингвистическими эффектами благодаря своему лингвокреативному и экспрессивному потенциалу, отчетливо выраженной установкой на игровое начало и пр. Дело в том, что новые явления в области словообразования не могут возникнуть сами по себе – за их порождением всегда стоит особая мотивация говорящего / автора, связанная с коммуникативными условиями речевого взаимодействия, с характером речевой ситуации, обстановкой речи и пр. Это позволяет сформулировать цель исследования – анализ особенностей образования и функционирования неодериватов через призму реализации специфических коммуникативных намерений участников речевого общения, их коммуникативных потребностей, нетривиальных мотивационно-

прагматических установок и используемых речевых стратегий и тактик.

Методологической базой настоящего исследования выступает концепция комплексного описания активных процессов в русском языке на лингвокогнитивной, лингвопрагматической, социолингвистической и лингвокультурологической основе [3–5]. В работе используется модернизированная применительно к целям именно данного исследования методика системно-структурного и функционального словообразовательного анализа [6].

Материалом исследования являются рефлексы русского неологического узуального и незуального словообразования, воплощенные в дискурсе современных российских СМИ и в среде неформальной интернет-коммуникации в социальных сетях и других источниках Рунета.

В плане интересующих нас лингвопрагматических механизмов создания и дискурсивной реализации неодериватов значительное место занимает участие новообразований в разнообразных операциях с пресуппозициями. Пресуппозиция выступает как носитель базового имплицитного смысла любого естественно-языкового высказывания, потому что является условием его осмысленности. В этом плане, несмотря на имплицитность, она является обязательным смысловым компонентом и обладает свойством

неустрашимости. Пресуппозиции подразделяются на семантические и прагматические [7].

Семантические пресуппозиции имплицитно выводятся из лексических и грамматических значений слов и выражений, формирующих высказывание. Так, в высказывании: *Киберущерб превысил 100 млрд. Аналитики НАФИ подсчитали убытки бизнеса от хакерских атак* (РБК, 20.12.2017) – наводится семантическая пресуппозиция ‘Киберущерб имел место в описываемой ситуации’; семантика неодеривата *киберущерб* идиоматически прочитывается в данном контексте как ‘ущерб, полученный в результате атаки хакеров на информационную систему’.

Высказывание: *Увы, вместо «легких Москвы» мы получили незаконные мега-свалки, гигантские супер-кладбища и промышленную зону рядом с густонаселенным Троицком, обрастающую нелегальными асфальтовыми заводами* (Livejournal, 07.12.2017) – имеет следующую семантическую пресуппозицию ‘Рядом с густонаселенным Троицком появились незаконные мега-свалки, гигантские супер-кладбища и промышленная зона’. Неодериваты *мега-свалки* и *супер-кладбища* за счет размерно-оценочных префиксов, указывающих на чрезмерно большой размер того, что названо производящим словом, усиливают негативно-оценочную экспрессию всего фрагмента. Использование их в пресуппозиции порождает семантическую емкость высказывания, формирует закладываемый автором значительный перлокутивный (воздейственный) эффект в восприятии читательской аудитории.

Прагматические пресуппозиции имплицитно выводятся из общеизвестной или известной всем участникам коммуникации информации «по умолчанию», выводятся из общности «дейктического поля» (поля зрения) говорящего и слушающего, их общей базы апперцепции или фонда «энциклопедических» знаний о мире. Применительно к высказываниям, содержащим неодериваты в медийном дискурсе или в дискурсе неформальной интернет-коммуникации, в роли адресата которых выступает неопределенно большая аудитория читателей или пользователей, прагматические пресуппозиции опираются на культурный фон носителей языка, на информацию, принадлежащую, по формулировке В.В. Красных, к «национальному культурному пространству» [8, с. 7].

Чаще всего в подобных случаях задействуются прагматические пресуппозиции, опирающиеся на разного рода прецедентные феномены, в том числе прецедентные имена [9, с. 49–50]. Так, в высказывании: *Плюс китаизация всей страны. Казахская оппозиция протестует*

против распродажи родины (Коммерсантъ. 01.02.2010) – посредством апелляции к прецедентному высказыванию В.И. Ленина «Коммунизм – это есть Советская власть плюс электрификация всей страны» наводится прагматическая пресуппозиция ‘Китай получает исключительные экономическое и политическое влияние в Казахстане, что многими расценивается как распродажа родины’. Обыгрывание прецедентного текста с помощью неодеривата *китаизация* создает семантическую емкость и формирует нужное автору негативно-оценочное отношение аудитории к описываемой ситуации.

Аналогичный лингвопрагматический эффект может иметь и апелляция к прецедентному имени. Так, в следующем высказывании используется неодериват, образованный на базе фамилии знаменитого французского актера Депардьё. Само же высказывание обыгрывает имя прецедентной ситуации ‘Великая французская революция’: *Великая французская депардьезация* (Новая Газета, 09.01.13). Наводится прагматическая пресуппозиция ‘Использование способа ухода от невыгодного налогообложения посредством переезда в страну с более льготным налоговым законодательством, по примеру великого французского актера Депардьё’. Нетрудно видеть, какой мощной семантической компрессией обладает подобное употребление неодеривата вместо громоздкой перифрастической конструкции.

Еще один лингвопрагматический механизм актуализации имплицитной информации посредством использования неодериватов – это обыгрывание нестрогих умозаключений, которые, в соответствии с замыслом говорящего, должен вывести сам слушающий. Подобные умозаключения в научной литературе именуются импликациями, или инференциями [10]. Они менее обязательны, чем пресуппозиции, поэтому часто инференции относят к разновидности так называемых «неустойчивых» когнитивных и прагматических механизмов извлечения новой информации из того, что сказано [11, 12].

В случаях использования неодериватов для наведения нужной автору инференции новый смысл формируется «за счет имплицитного обращения к другому концепту, т.е. на основе выводного, дополнительного знания» [13, с. 102]. В роли «других концептов» выступают исходные, производящие слова, подвергающиеся разнообразным смысловым преобразованиям для имплицитирования у аудитории нового смысла.

Например, префиксальные новообразования с приставкой *псевдо-* с семантикой ‘что-то фальшивое, мнимое’ могут приобретать в контексте разнообразные негативно-оценочные

инференции, дезавуирующие в общем «положительное» значение исходного слова: **Псевдо-активисты** «Молодой гвардии» вымогают деньги у предпринимателей. Мошенники совершают контрольные закупки алкоголя и табака с участием несовершеннолетних, после чего представляются активистами регионального штаба «Молодой гвардии» и вымогают деньги, предлагая за это не оформлять официально заявление в правоохранительные органы (RIA56, 07.12.2015). – Здесь имплицитруется инференция ‘Некоторые активисты «Молодой гвардии» являются ненастоящими активистами, выдают себя за активистов’. Дальнейший контекст конкретизирует данную инференцию, эксплицируя суть инкриминируемых деяний – они, оказывается, являются мошенниками, используя свой статус в корыстных целях для совершения противоправных действий.

Также в этом плане интересен префиксоид *пол-* (*полу-*), который в норме обозначает ‘половина чего-либо’, но при порождении окказиональных неодериватов приобретает инференцию ‘не осуществленный до конца’ или даже ‘неполноценный’ → ‘ненастоящий, мнимый’: *Директор Центра изучения стран Ближнего Востока и Центральной Азии Семён Багдасаров в интервью радиостанции «Говорит Москва» заявил, что нужно прекратить быть «полупатриотами» и выработать политику противодействия США и Турции в сирийском вопросе* (Говорит Москва, 09.04.2017). – Здесь посредством употребления неодеривата *полупатриот* наводится негативно-оценочная инференция ‘Те, кто на момент речи не выработал политику противодействия США и Турции в сирийском вопросе, являются ненастоящими патриотами, и это плохо, с точки зрения говорящего’.

Еще один лингвопрагматический механизм наведения нестрогого умозаключения в зоне адресата, отличный от инференции, начиная с работ Г.П. Грайса, именуется «имплицитурой дискурса» («коммуникативные имплицитур»). Это разновидность небуквальной информации невербализованного типа, которую слушающий должен вывести самостоятельно, исходя из предположения, что говорящий соблюдает принцип кооперации, потому что буквальная интерпретация ведет к неинформативности, алогичности или тавтологичности [14, 15].

Применительно к интересующей нас прагмалингвистической интерпретации процессов неодеривации следует отметить, что именно имплицитурой дискурса порождаются в ситуации «игрового» использования неодериватов в контексте разного рода стилистических прие-

мов – экивоков, оксюморонов, каламбуров, амфиболий и пр. Например, отметим каламбурное использование приема морфемной анафоры в порождении неодериватов с префиксоидом *полу-* в следующем примере: *Это – обычные черты обывательской массы, полубразованной, полуграмотной, полукультурной; это – кафр и готтентот Герцена, его победивший мещанин, трусливый и свирепый лавочник Вилль-Адана, торжествующий хам Мережковского* (Правмир, 23.08.2012). – Здесь наводится негативно-оценочная имплицитурой дискурса ‘Обыватели всегда обладают неполноценным образованием, грамотностью и культурой’.

Каламбурное использование неодериватов в стилистическом приеме **контаминации** (так же называется и соответствующий способ окказионального словообразования) видим в фрагменте: *Лингвистическая коронавирусистика* (phillfak.ru. 05.05.2020). – Здесь наводится имплицитурой дискурса ‘направление в лингвистическом изучении русского языка, которое занимается исследованием изменений в русском языке, вызванных пандемией коронавируса’. Отметим опять же значительную степень смысловой компрессии, которая достигается за счет употребления неодеривата.

Помимо прагмалингвистических механизмов, связанных с актуализацией в коммуникативной ситуации разного рода имплицитной информации, в сферу нашего исследовательского внимания попадают случаи использования неодериватов в реализации специфических интенций, коммуникативных намерений говорящего («иллокутивных сил», по Дж.Р. Серлю). В этом плане наибольший интерес представляет употребление неодериватов в так называемых **косвенных речевых актах**, в которых эксплицируется одна иллокутивная сила (коммуникативная цель высказывания), но конвенционально имеется в виду другая (например, вежливая просьба в форме вопроса, сильное утверждение в форме риторического вопроса и пр.) [16].

Так, в форме риторического вопроса: *Уж не с Натальей ли Водяновой собрался под венец телебосс?* (Комсомольская правда, 26.08.2010) – актуализуется скрытое утверждение ‘Телебосс собрался под венец с Натальей Водяновой’. Вопрос: *Почему нельзя обсудить псевдочастную инициативу?*... (радио «Вести FM», 27.10.2017) – маскирует имплицитное сильное утверждение с модальностью долженствования: ‘Необходимо обсудить псевдочастную инициативу’.

Неодериваты участвуют в порождении косвенного речевого акта, как правило, в случаях, когда автор выражает неочевидное мнение, спорное суждение, нетривиальную или могу-

шую быть неоднозначно воспринятой информацией. Например, в фрагменте: *А тут уже программу разработали по определению подлинности куар кода, который присваивают тем, кто позволил ввести в своё тело вещество, которое предположительно является спасением от той болезни. Какие ещё нужны доказательства слепым людям, верящим в ковидобесие?* (ngs24.ru, 08.12.2021) – в форме риторического вопроса косвенно выражается скрытое сильное утверждение ‘Слепым людям, верящим в ковидобесие, больше не нужны никакие доказательства’. Само же употребление этого неодеривата усиливает выражение негативно-оценочной позиции автора по отношению к изображаемому.

Особенности интенций и установок участников коммуникации также отражаются в использовании ими тех или иных речевых стратегий и тактик. В плане нашего исследования интерес представляет порождение и функционирование неодериватов в реализации двух видов известных еще со времен античной риторики речевых стратегий *de dicto* и *de re*. Избирая стратегию *de dicto*, говорящий освещает события или излагает чужую точку зрения «как они есть», т.е. в объективном модусе, что соответствует принципу кооперации. Когда же выбрана стратегия *de re*, события или чужие точки зрения перетолковываются с позиции говорящего, что, как правило, является приемом «речевой демагогии» [15, с. 474].

Речевая реализация манипулятивной стратегии *de re* посредством использования неодериватов, созданных посредством экспрессивного словообразования, часто связана с установкой авторов на переинтерпретацию излагаемых явлений, событий или фактов в нужном для говорящего ключе, на формирование определенного оценочного регистра, чаще всего негативного. Например, в фрагменте: *Серая зарплатка. За выплаты "в конвертах" директорам и бухгалтерам может грозить год тюрьмы* (Российская газета, 14.06.2012) – употребление экспрессивного диминутива *зарплатка* вместо нейтрального *зарплата* выступает именно как признак авторского переосмысления данного понятия в негативно-оценочном ключе с целью добиться нужного восприятия читателями описываемых событий.

Аналогичным образом в примере: *Черная метка Чубайса: «развитие нанотехнологий» приносит гипер-убытки. На различных проектах "Роснано" потеряны миллиарды* (Московский комсомолец, 27.04.2017) – размерно-оценочный префикс *гипер-*, присоединяясь к производящему слову *убытки*, переводит вы-

сказывание в режим стратегии *de re*, привнося требуемую автором негативную оценку происходящего.

В целом проведенное исследование продемонстрировало, что неодериваты обнаруживают значительный лингвокреативный потенциал русского языка, обладают повышенной экспрессивностью и часто отражают установку авторов на развлекательность, на языковую игру. Мы можем сделать вывод о том, что разнообразные прагмалингвистические механизмы, задействующие узуальные и неузуальные новообразования в современной русской речи, свидетельствуют об общественных умонастроениях, о ценностных приоритетах и речеповеденческих стереотипах носителей современного русского языка.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003/21 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике» (2021–2022).

Список литературы

1. Радбиль Т.Б., Рацбургская Л.В., Палоши И.В. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект // Научный диалог. 2021. № 1. С. 63–79.
2. Радбиль Т.Б., Рацбургская Л.В., Палоши И.В. Диалектика национального и интернационального в активных процессах в русском языке новейшего периода // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 6. С. 170–176.
3. Радбиль Т. Б. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 569–573.
4. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Кол. мон. / Под ред. Л.В. Рацбургской. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. 325 с.
5. Радбиль Т.Б. Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2017. Т. 13. С. 107–115.
6. Радбиль Т.Б., Рацбургская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33–39.
7. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
8. Красных В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: 'Филология, 1997. Вып. 2. С. 5–12.
9. Радбиль Т.Б. «Прецедентные имена» как элементы «языка культуры» // Ономастика Поволжья: Материалы XV Международной научной конференции (Ар-

замас, 13–16 сентября 2016 г.) / Под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас – Саров: Интерконтакт, 2016. С. 49–54.

10. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г. и др. Инференции // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. С. 33–35.

11. Падучева Е.В. О семантике просодических сдвигов и вкладе просодии в семантику предложения // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2004. № 5. С. 10–15.

12. Зализняк А.А. Многочисленность в языке и способности ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.

13. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 235 с.

14. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика / Сост. и вступ. ст. Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой; общ. ред. Е.В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.

15. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.

16. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 195–222.

PRAGMATICS OF NEO-DERIVATIONAL PROCESSES IN THE NEWEST RUSSIAN

T.B. Radbil, L.V. Ratsiburskaya, L. Jászay, I.V. Pálosi

The article examines the linguo-pragmatic potentiality of derivational neological word-formations in modern Russian speech as a reflection of active processes in the Russian language of the latest period. The material of the research is the reflexes of Russian neological, conventional and non-conventional word formation, actualized in the discourse of modern Russian media and in the environment of informal Internet communication in social networks and other sources of the Runet. The features of the formation and functioning of non-derivatives are analyzed through the prism of the implementation of the specific communicative intentions of the participants of speech interaction, their communication needs, motivational-pragmatic attitudes and the speech strategies and tactics used. It is concluded that new phenomena in modern Russian neological word-formation reveal a significant linguo-creative potentiality of the Russian language, have heightened expressiveness and often reflect the authors' orientation towards entertainment and language play.

Keywords: neo-derivation, linguistic pragmatics, word-formative neologisms, active processes, modern Russian speech.

References

1. Radbil T.B., Ratsiburskaya L.V., Paloshi I.V. Active processes in the vocabulary and word formation of the Russian language in the era of coronavirus: the linguo-cognitive aspect // Scientific dialogue. 2021. 1. P. 63–79.

2. Radbil T.B., Ratsiburskaya L.V., Paloshi I.V. Dialectics of the National and the International in Active Processes in the Russian Language of the Newest Period // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2020. 6. P. 170–176.

3. Radbil T.B. «The language of values» in modern Russian speech and the ways of its calculation // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2011. 6 (2). P. 569–573.

4. Ratsiburskaya L.V. (ed.). Russian Language at the Beginning of the XXIst Century: Vocabulary, Word Formation, Grammar, Text. Col. mon. Nizhny Novgorod: N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University Press, 2014. 325 p.

5. Radbil T.B. Cultural appropriation of borrowings in the light of the theory of language conceptualization of the world // Proceedings of the Institute of the Russian language under V.V. Vinogradov. 2017. Vol. 13. P. 107–115.

6. Radbil T.B., Ratsiburskaya L.V. Word-formative innovations based on borrowed elements in the modern Russian language: linguoculturological aspect // World of a Russian word. 2017. 2. P. 33–39.

7. Paducheva E.V. Semantic research (Semantics of Tense and Aspect in Russian. Semantics of Narrative). M.: Languages of Russian culture publ., 1996. 464 p.

8. Krasnykh V.V. The system of precedent phenomena in the context of modern research / Ed. V.V.

Krasnykh, A.I. Izotov // Language, consciousness, communication: Sat. articles. M.: Filology publ., 1997. Issue 2. P. 5–12.

9. Radbil T.B. «Precedent names» as elements of the «language of culture» / Ed. L.A. Klimkova, V.I. Suprun. // Onomastics of the Volga Region. Materials of the XV International Scientific Conference (Arzamas, September 13–16, 2016), Arzamas branch of the UNN. Arzamas-Sarov, Interkontakt publ., 2016. P. 49–54.

10. Kubryakova E.S. et al. Inferencii / Ed. Y.S. Kubryakova. A short dictionary of cognitive terms. Moscow, Faculty of Philology, M.V. Lomonosov Moscow State University publ., 1996. P. 33–35.

11. Paducheva E.V. On the semantics of prosodic shifts and the contribution of prosody to the semantics of a sentence // Izvestiya RAS. Serie Literary and language. 2004. 5. P. 10–15.

12. Zaliznyak A.A. Polysemy in language and ways of its presentation. M.: Languages of Slavic Cultures publ., 2006. 672 p.

13. Boldyrev N.N. Cognitive semantics. Introduction to Cognitive Linguistics. Tambov: G.R. Derzhavin Tambov State University publ., 2014. 235 p.

14. Grice G.P. Logic and conversation // New in Foreign Linguistics, Vol. 16. Linguistic Pragmatics. Comp. and Enter. Art. N.D. Arutyunova and E.V. Paducheva; (Ed.). E.V. Paducheva. M.: Progress publ., 1985. P. 217–237.

15. Bulygina T.V., Shmelev A.D. Language conceptualization of the world (Based on the material of Russian grammar). M.: Languages of Russian culture, 1997. 576 p.

16. Searle J.R. Languages of Russian culture // New in Foreign Linguistics. The theory of speech acts. Issue 17. M.: Progress publ., 1986. P. 195–222.